

Большевики приходят к власти

В среду 25 октября на главных базах Балтийского флота задолго до рассвета началась бурная деятельность. По просьбе Военно-революционного комитета (ВРК) в столицу были направлены три эшелона с вооруженными матросами. Первый выехал из Гельсингфорса по Финляндской железной дороге в 3 часа утра, второй — в 5 часов, а третий — уже в разгаре утра. Примерно в это же время наспех сформированная флотилия судов в составе патрульного катера «Ястреб» и пяти эсминцев — «Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный» и «Самсон» — на полных парах отправилась в Петроград. Во главе флотилии, которой предстояло пройти путь свыше 300 километров, шел «Самсон» под знаменем с лозунгами «Долой коалицию!», «Да здравствует Всероссийский съезд Советов!», «Вся власть Советам!» [1].

В Кронштадте также все кипело. Позже Флеровский так описывал события в ночь с 24 на 25 октября в этом центре революционного радикализма: «Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-нибудь сомкнул глаза. «Морское собрание» переполнено матросами, солдатами и рабочими... Революционный штаб точно намечает план операции, определяет части и команды к выступлению, подсчитывает запасы, шлет назначения... Когда план выступления был готов... мы с Каллисом вышли на улицу. Здесь большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды серьезных, решительных лиц. Тишину ночи нарушает лишь громыхание грузовиков, перебрасывающих из интендантских складов крепости запасы на суда» [2].

Вскоре после девяти часов матросы в черных бушлатах, с патронташами и винтовками через плечо закончили посадку на все имевшиеся суда: два минных заградителя «Амур» и «Хопёр», бывшую яхту командующего портом «Зарница», переоборудованную в госпитальный корабль, учебное судно «Верный» и линкор «Заря свободы», настолько старый, что на Балтийском флоте его прозвали «утюгом». Линкор тащили четыре буксира. Во флотилию входили многочисленные пассажирские колесные катера и баржи. Подняв якоря, корабли один за другим двинулись в направлении столицы [3].

А между тем в Смольном руководители ВРК и комиссары, прибывшие из ключевых районов города, заканчивали разработку планов захвата Зимнего дворца и ареста правительства. Известно, что в совещании участвовали Подвойский, Антонов-Овсеенко, Константин Еремеев, Георгий Благодеров, Чудновский и Садовский. Согласно разработанному ими плану, восставшие должны были захватить Мариинский дворец и распустить Предпарламент, а затем окружить Зимний дворец. Предполагалось, что правительству предложат сдаться без сопротивления. В случае его отказа Зимний должен быть обстрелян с «Авроры» и из Петропавловской крепости, а затем взят штурмом. Основные силы, выделенные для участия в этих операциях, включали Павловский полк, отряды красногвардейцев из Выборгского, Петроградского и Василеостровского районов, Кексгольмский полк, военно-морские части из Кронштадта и Гельсингфорса и матросов из 2-го Балтийского флотского экипажа в Петрограде. В казармах Павловского полка и 2-го Балтийского экипажа должны были быть развернуты полевые штабы руководства восстанием, первый возглавлял Еремеев, а второй — Чудновский. Полевой штаб для общего руководства наступающими силами под командованием Антонова-Овсеенко планировалось разместить в Петропавловской крепости [4].

На завершающей стадии подготовки к захвату последнего оплота Временного правительства в Петрограде Ленин находился в Смольном. Он нервно поглядывал на часы и, судя по всему, надеялся на то, что режим Керенского удастся полностью ликвидировать до начала II съезда Советов, который должен был открыться через несколько часов. Около 10 утра он написал обращение «К гражданам России» о переходе политической власти от правительства Керенского к Военно-революционному комитету.

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на Землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет

при Петроградском Совете рабочих

и солдатских депутатов» [5].

Ленин придавал принципиальное значение тому, чтобы делегаты съезда с самого начала были поставлены перед фактом создания Советского правительства. Об этом свидетельствует то, что текст отпечатали и передали по телеграфу по всей стране еще до окончания заседания ВРК, на котором разрабатывался план захвата власти.

С самого утра 25 октября левые силы действовали весьма энергично, чего нельзя сказать о сторонниках правительства. Керенский в Зимнем дворце принял меры к тому, чтобы выехать на встречу войскам, продвигающимся к столице с Северного фронта. Красноречивым примером изоляции и беспомощности Временного правительства в тот момент являлось то, что выехать из Петрограда на поезде было невозможно, так как все вокзалы находились под контролем ВРК и даже Генеральный штаб не смог выделить премьер-министру ни одной легковой машины, пригодной для дальней поездки. В конце концов военным удалось достать открытую машину «пирс-эрроу» и одолжить в американском посольстве автомобиль «рено». В 11 часов утра, почти одновременно с передачей ленинского манифеста о свержении Временного правительства, «рено» (под американским флагом) и «пирс-эрроу» пронесли под главной аркой здания Генерального штаба, мимо пикетов ВРК, которые уже формировались вокруг Зимнего дворца, и умчались из столицы в юго-западном направлении. На заднем сиденье «пирс-эрроу» расположились помощник командующего Петроградским военным округом Кузьмин, два штабс-офицера и бледный, осунувшийся Керенский. Так начинался его лихорадочный поиск войск с фронта, который закончился полным крахом меньше чем через неделю [6].

В то время как машины проносились мимо Мариинского дворца, немногие находившиеся там депутаты Предпарламента в ожидании начала заседания обсуждали последние политические новости. А уже через час большая группа вооруженных солдат и матросов под командованием Чудновского начала перекрывать соседние улицы и выставлять охрану у всех входов во дворец. С грохотом подъехал броневик «Олег» под красным флагом и занял позицию у западного угла дворца.

Затем в Мариинский дворец вошел неизвестный комиссар ВРК. Он отыскал Авксентьева и передал ему указание ВРК немедленно очистить дворец. В здание, размахивая винтовками, ворвались солдаты и матросы, которые расположились вдоль парадной лестницы. В то время как многие перепуганные депутаты схватили пальто и решили было прорываться через цепь вооруженных солдат и матросов, Авксентьев решил устроить совещание части руководящего комитета Предпарламента. Депутаты поспешно согласились заявить официальный протест в связи с нападением сил ВРК, но не оказывать им сопротивления. Кроме того, они поручили Авксентьеву при первой возможности вновь созвать Предпарламент. При выходе из дворца часовые проверили документы у всех депутатов, но никого не задержали. Судя по всему, в тот момент ВРК должен был ограничиться арестом членов правительства [7].

В это время в ряды повстанцев влились большевики, освобожденные из тюрьмы «Кресты», где они находились с июля. Утром 25 октября у старинного здания тюрьмы появился

комиссар ВРК во главе небольшого отряда красногвардейцев и приказал освободить всех политических заключенных. Среди немедленно освобожденных большевиков были Семен Рошаль, Сахаров, Толкачев, Хаустов [8]. В два часа пополудни прибыло новое подкрепление — корабли из Кронштадта. На палубе «Амура» находилось более тысячи матросов, в том числе и И. Павлов, который впоследствии описал обстановку на подходе к Петрограду в полдень 25 октября следующим образом: «Что представлял собою Финский залив в районе Кронштадта и Петрограда к 12 ч., об этом достаточно будет сказать словами известной тогда песни: «Из-за острова Кронштадта на простор реки Невы выплывает много лодок, в них сидят большевики». Если и не в полной степени отражается картина Финского залива этими словами, то только потому, что говорит о лодках. Поставьте на их место современные корабли — это и будет полной зарисовкой картины оживленного Финского залива за несколько часов до октябрьского боя» [9].

Линкор «Заря свободы», доставленный четырьмя буксирами ко входу в канал гавани, бросил якорь. Высадившийся на берег отряд матросов занял Балтийскую железную дорогу между Листовом и Ораниенбаумом. Когда остальные корабли малым ходом проследовали по узкому каналу, Флеровскому, находившемуся на борту «Амура», пришла в голову мысль, что если бы правительство заранее приказало установить пару мин и хотя бы десяток пулеметов на набережной канала, то это сорвало бы все тщательно разработанные планы кронштадтцев. И он вздохнул с облегчением, когда вся эта разнокалиберная флотилия прошла через канал и вошла в Неву под приветственные крики толп рабочих, собравшихся на набережной. Флеровский находился в каюте судового комитета на нижней палубе «Амура» — обсуждался вопрос о том, где бросить якорь, — когда раздались громкие, торжествующие крики «Ура!». Он выбежал на палубу и сумел увидеть, как «Аврора» разворачивается посередине реки таким образом, чтобы с нее просматривался Зимний дворец [10].

Матросы на борту «Авроры» и кронштадтских кораблей увидели друг друга. Раздались крики, приветственные возгласы, в воздух полетели бескозырки. Оркестр на «Авроре» заиграл победный марш. Рядом с «Авророй» бросил якорь «Амур», а суда поменьше двинулись дальше к Адмиралтейству. Через несколько минут Антонов-Овсеенко поднялся на борт «Амура», чтобы передать последние указания руководителям кронштадтского отряда. Студенты и преподаватели, собравшиеся у окон университета на набережной, с интересом наблюдали за высадкой примерно трех тысяч матросов, многие из которых присоединились к осаждающим Зимний дворец. Один из этих матросов впоследствии вспоминал, что при встрече с солдатами Петроградского гарнизона некоторые из матросов бранили их за трусость, проявленную во время июльских дней. Он с удовлетворением отмечает, что солдаты были готовы раскаяться в своих ошибках [11].

Важные события происходили в Смольном. Большой зал до отказа заполнили депутаты Петроградского Совета и представители губернских Советов, с нетерпением ожидавшие сообщений о последних событиях. В 2 часа 35 минут Троцкий открыл чрезвычайное заседание Петроградского Совета [12]. Сразу же после начала заседания, ставшего одним из самых важных в истории Петроградского Совета, стало ясно, что за предыдущую ночь партия коренным образом изменила свою тактику. Напомним, что меньше чем за сутки до этого, на предыдущем заседании Петроградского Совета, Троцкий утверждал, что вооруженный конфликт «ни сегодня, ни завтра, накануне съезда, не входит в наши планы». А теперь, выйдя на трибуну, он сразу же «похоронил» Временное правительство: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!» Затем под гром аплодисментов и крики «Да здравствует Военно-революционный комитет!» он заявил, что Предпарламент распущен, некоторые министры правительства арестованы, а железнодорожные вокзалы, почта, Центральный телеграф, Петроградское телеграфное агентство и Госбанк заняты силами Военно-революционного комитета. Он сказал, что Зимний дворец еще не взят, но судьба его решается в этот момент. «Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которые прошли бы так бескровно.

Власть Временного Правительства, возглавлявшегося Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести... Обыватель мирно спал и не знал, что с этого времени одна власть сменяется другой».

Во время выступления Троцкого в зале появился Ленин. Заметив его, собравшиеся встали и устроили овацию. Троцкий произнес слова приветствия: «Да здравствует товарищ Ленин, он снова с нами» — и уступил ему трибуну. Стоя рядом, Ленин и Троцкий приветствовали собравшихся. Затем, пытаясь перекричать шум, Ленин сказал:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач является необходимость немедленно закончить войну...

Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Выступление Ленина было коротким, и неудивительно, что в тот день большинство из слушавших его даже не задумались над тем, как обеспечить выживание правительства рабочих в отсталой России и враждебном мире. После выступления Ленина Троцкий предложил немедленно направить на фронт и по всей стране специальных комиссаров, которые информируют широкие массы об успешном восстании в Петрограде. В ответ на это предложение кто-то крикнул: «Вы предвосхищаете волю Второго съезда Советов!» — на что Троцкий тут же ответил: «Воля Всероссийского Съезда Советов predetermined тем огромным фактом восстания Петроградских рабочих и солдат, происшедшего в ночь на сегодня. Теперь нам остается лишь развивать нашу победу».

Присутствовавшие меньшевики (а их было сравнительно немного) официально сняли с себя ответственность за то, что они назвали «трагическими последствиями осуществляемого заговора», и вышли из исполнительных органов Петроградского Совета. Но большинство присутствующих терпеливо выслушали приветствия Луначарского и Зиновьева. Для Зиновьева, как и для Ленина, это было первое публичное выступление с июля. Депутаты горячо поддержали политическое заявление, напечатанное Лениным и представленное Володарским. В нем приветствовалось свержение Временного правительства, содержался призыв ко всем рабочим и солдатам поддержать революцию, а также выражалась уверенность в том, что западноевропейский пролетариат поможет довести дело социализма до полной и окончательной победы [13]. Затем депутаты разошлись. Одни пошли на заводы и в казармы, чтобы сообщить радостные вести, другие, в том числе и Суханов, отправились перекусить до открытия Всероссийского съезда.

Смеркалось, но большевики еще не взяли Зимний дворец. А ведь еще в час пополудни отряд под командованием Ивана Сладкова занял Адмиралтейство, находившееся в нескольких шагах от Зимнего, и арестовал командование Военно-морского флота. В это же время части Павловского полка окружили Зимний дворец в пределах Миллионной, Моховой и Большой Конюшенной улиц, а также Невского проспекта между Екатерининским каналом и Мойкой. Пикеты, усиленные броневидами и зенитками, были выставлены на мостах через

Екатерининский канал и Мойку и на Морской улице. Затем к солдатам-павловцам присоединились отряды красногвардейцев из Петроградского района и с Выборгской стороны, а силы Кексгольмского полка заняли участок севернее Мойки до Адмиралтейства. Как вспоминал впоследствии Дашкевич, Временное правительство оказалось заперто «в Зимнем дворце, как в мышеловке» [14].

Сначала планировалось взять Зимний дворец в полдень. Потом сроки переносились последовательно на три часа дня, на шесть часов. Затем, вспоминает Подвойский, в ВРК «уже срока не назначали» [15]. Согласованный ультиматум так и не послали, и благодаря этому силы, верные правительству, выиграли время для укрепления обороны. И вот к концу дня рвущимся в бой революционным солдатам пришлось наблюдать, как юнкера строили на Дворцовой площади огромные баррикады и пулеметные точки из дров, привезенных из Генерального штаба.

К 6 вечера стемнело. Похолодало, накрапывал дождь. Многие из солдат, прибывших ко дворцу несколько часов назад, проголодались и забеспокоились. То один, то другой, потеряв терпение, открывал огонь по юнкерам, но его тут же строго одергивали: «Товарищи, без приказа не стрелять!» На Петроградской стороне руководитель Военной организации большевиков Тарасов-Родионов просто места себе не находил от беспокойства о том, что происходит в центре города. Впоследствии он так описывал свое состояние: «Хочется бросить все и лететь туда к ним (в Военно-революционный комитет. — А.Р.), чтобы ускорить этот идиотский затянувшийся приступ Зимнего». За эти часы Ленин написал Подвойскому, Антонову-Овсеенко и Чудновскому десятки записок, в которых гневно обвинял их, что своими проволочками они задерживают открытие съезда и заставляют напрасно волноваться депутатов [16].

В своих мемуарах Антонов-Овсеенко дает понять, что главными причинами, из-за которых так долго не начиналось решающее наступление, были непредвиденные задержки с мобилизацией восставших солдат, плохая организация и другие мелкие, но неприятные проблемы [17]. Его мнение подтверждается указаниями на то, что в самый последний момент в силу тех или иных причин действительно возник вопрос о мобилизации некоторых частей Преображенского и Семеновского полков для наступления. Более того, большинство отрядов матросов из Гельсингфорса, на участие которых так рассчитывал ВРК, прибыли только поздно вечером или вообще на следующий день. В одном случае целый поезд с вооруженными матросами на много часов застрял в чистом поле под Выборгом после того, как лопнули трубы паровоза. Дело в том, что начальник станции Выборг, симпатизировавший правительству, специально выделил матросам самый ненадежный из имевшихся в его распоряжении паровозов [18].

Военно-революционному комитету пришлось преодолеть целый ряд незначительных трудностей, которые в то время вызывали тревогу, а сегодня кажутся чуть ли не смехотворными. Например, когда Благонравов стал проверять пушки в Петропавловской крепости, необходимые для обстрела Зимнего, то обнаружил, что шестидюймовые орудия крепости, направленные на дворец, не использовались и даже не приводились в порядок в течение многих месяцев. Офицеры-артиллеристы убедили его, что из этих пушек стрелять нельзя. Тогда Благонравов заставил солдат, находившихся в крепости, передвинуть трехдюймовые учебные орудия на позиции, с которых можно было вести огонь. И тут выяснилось, что все эти орудия были некомплектными или просто неисправными. Кроме того, не нашлось снарядов нужного калибра. Время было упущено, и только сейчас выяснилось, что из шестидюймовых пушек все-таки можно стрелять [19].

Второй эпизод кажется еще более странным. По существовавшей договоренности сигналом к последнему наступлению на Зимний должен был послужить красный фонарь, зажженный на флагштоке крепости. Однако в нужный момент красного фонаря под рукой не оказалось. По словам Благонравова, «после долгих поисков такой нашли, но водрузить его на мачту так, чтобы он был хорошо виден, представляло большие трудности» [20].

Впоследствии Подвойский писал, что постоянные задержки со взятием Зимнего были связаны с надеждой ВРК (которая во многом оправдалась) избежать кровопролития. Он

вспоминал: «Но будучи уже обеспечены победой, мы ждали унижительного конца Временного правительства. Мы добивались, чтобы оно сложило оружие перед силой революции, которую мы в данный момент представляли. Мы не открывали оружейного огня, предоставив действовать за стенами Зимнего более сильному нашему оружию — классовой борьбе» [21]. Похоже, что этот фактор сыграл определенную роль. 25 октября в Зимнем дворце явно не хватало продовольствия для почти трех тысяч офицеров, кадетов, казаков и женского батальона. После полудня вездесущему американскому журналисту Джону Риду удалось каким-то образом проникнуть во дворец. Он зашел в одно из помещений, где находились солдаты, и увидел следующую удручающую картину: «По обеим сторонам паркетного пола лежали ряды грязных матрацев и одеял, на которых помещалось несколько человек солдат. По всему полу была грязь от окурков папирос, кусков хлеба, от одежды, пустых бутылок с названиями дорогих французских вин. Много солдат с наплечниками юнкерской школы двигалось в застоявшейся атмосфере, наполненной запахом табачного дыма и немытого человеческого тела... Все это место представляло собою одну огромную казарму и, очевидно, по внешнему виду пола и стен, играло роль казармы в течение многих недель» [22].

Время шло, а обещанные припасы и подкрепление с фронта все не поступали. Боевой дух защитников правительства ослабевал, о чем прекрасно знали осаждавшие. В 6 часов 15 минут вечера большая группа юнкеров Михайловского артиллерийского училища покинула дворец, забрав с собой четыре из шести пушек, предназначенных для его обороны. А около 8 часов 200 казаков, охранявших дворец, также разошлись по казармам.

Представители ВРК приняли участие по меньшей мере в двух попытках убедить оставшихся защитников дворца разойтись мирно. В начале вечера представитель ораниенбаумских юнкеров уговорил Чудновского сходить вместе с ним во дворец, чтобы помочь организовать мирный уход юнкеров. Юнкера гарантировали безопасность Чудновского и сдержали свое слово. Но инженер Петр Пальчинский, заместитель министра торговли и промышленности, который помогал руководить защитой дворца, потребовал ареста Чудновского. Юнкера заявили протест и силой добились его освобождения. Дашкевич также проник во дворец, намереваясь склонить на свою сторону некоторых юнкеров; его, как и Чудновского, задержали, но потом отпустили. Отчасти благодаря усилиям Чудновского и Дашкевича более половины юнкеров, охранявших Зимний, разошлись примерно в 10 часов вечера [23].

Но все те препятствия, с которыми столкнулся ВРК в организации взятия Зимнего дворца 25 октября, были ничтожными по сравнению с трудностями, выпавшими на долю членов Временного правительства, собравшихся в большом Малахитовом зале на втором этаже. В полдень, через час после бегства Керенского на фронт, Коновалов созвал здесь заседание кабинета министров. Присутствовали все, кроме Керенского и министра продовольствия, видного экономиста Сергея Прокоповича, которого утром задержал патруль восставших, из-за чего он не смог приехать в Зимний до того, как здание было полностью оцеплено. К счастью для историков, несколько участников злополучного последнего заседания кабинета министров Керенского оставили подробные воспоминания о последних часах его существования. Их слова, исполненные боли, свидетельствуют о почти полной изоляции Временного правительства, о том, что министры вследствие этого находились в замешательстве и что воля их была парализована [24].

Заседание открыл Коновалов, который сделал доклад о политическом положении в столице. Он сообщил министрам о том, каких успехов добился накануне вечером ВРК, практически не встретивший сопротивления, о сенсационном докладе Полковникова утром и о решении Керенского срочно выехать на фронт. Впервые все члены кабинета смогли осознать всю неспособность командования Петроградского военного округа не только подавить восстание, но даже обеспечить безопасность самих министров. Выслушав доклад Коновалова, адмирал Вердеревский, министр Военно-морского флота, сухо произнес, «что он не понимает, для чего это заседание собрано и для чего мы будем дальше заседать. У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание» [25]. Он заметил, что было бы целесообразнее провести совместное заседание с Предпарламентом, но уже через несколько минут, когда поступило известие о роспуске последнего, это предложение

потеряло всякий смысл. Сначала большинство министров не разделяло пессимизма Вердеревского. Основную вину за то, что правительство оказалось в бедственном положении, министры были склонны возложить (впрочем, не имея на то достаточных оснований) на Полковникова. Члены кабинета достигли договоренности о том, что его заменят «диктатором», которому будет предоставлена неограниченная власть для восстановления порядка. Постановили, что, пока существует чрезвычайное положение, кабинет министров останется заседать в Зимнем дворце.

Затем в течение почти двух часов велось беспорядочное, бессвязное обсуждение возможных кандидатов на пост «диктатора», которое время от времени прерывалось, например когда Коновалов предпринял тщетную попытку вызвать в Зимний дворец казаков, а другие министры получали отрывочные доклады о последних событиях или, связавшись по прямому проводу с фронтом и по немногим уцелевшим телефонам со своими людьми в столице, отчаянно взывали о помощи. В конце концов кабинет показал свою неспособность отреагировать на настроения народа, выбрав на должность «диктатора» министра социального обеспечения Кишкина. Кишкин, москвич, врач по профессии, не пользовался авторитетом в Петрограде и, самое главное, он был кадетом. Его избрание шло вразрез с призывом занять более примиренческую позицию, с которым Предпарламент накануне обратился к Керенскому. Это решение неизбежно должно было спровоцировать демократические круги и сыграть на руку крайним левым.

Кишкин официально вступил в должность генерал-губернатора после четырех часов. Назначив своими помощниками Пальчинского и Петра Рутенберга, помощника командующего Петроградским военным округом, он срочно выехал в военный штаб, чтобы возглавить борьбу с восставшими. Прибыв на место, Кишкин немедленно уволил Полковникова, которого заменил начальником штаба генералом Багратуни. Судя по всему, эта перестановка только усилила хаос, царивший в штабе. В знак протеста против увольнения Полковникова все его ближайшие сотрудники, в том числе и квартирмейстер генерал Николай Параделов, демонстративно подали в отставку. Некоторые из них тут же собрались и уехали домой. Остальные просто отказались работать и время от времени наблюдали из окон Генерального штаба, как группы революционных солдат, матросов и рабочих приближаются по набережной Мойки и по Миллионной улице [26].

А между тем в Зимнем дворце остальные члены кабинета занимались подготовкой воззвания о помощи, которое должно было быть отпечатано для массового распространения. В 6.15 их информировали о том, что юнкера Михайловского артиллерийского училища покинули Зимний, а еще через 15 минут министры перешли в столовую Керенского на третьем этаже, где их ожидали ужин — борщ, рыба, артишоки — и новые неприятные известия.

В Петропавловской крепости Благонравов под постоянным давлением из Смольного наконец решил, что, несмотря на проблемы с пушками и сигнальным фонарем, штурм Зимнего откладывать больше нельзя. В 6.30 он послал двух самокатчиков в Генеральный штаб, куда они и прибыли через двадцать минут со следующим ультиматумом [27]:

«Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов «Авроры», «Амура» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены.

Для ответа вам предоставляется 20 мин. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 час. 10 мин., после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета Антонов, Комиссар Петропавловской крепости Г.Б. 25 октября 1917 г.».

В это время в здании Генерального штаба находились среди прочих Кишкин, генерал Багратуни и генерал Параделов, а также Пальчинский и Рутенберг. Им удалось уговорить одного из самокатчиков вернуться в Петропавловскую крепость и передать их просьбу продлить срок ультиматума на десять минут. Затем, оставив в штабе Параделова, который должен был принять ответ правительства по телефону и передать его второму самокатчику, Кишкин, Багратуни и другие срочно отправились в Зимний дворец для консультаций с кабинетом министров [28].

Наряду с ультиматумом ВРК министры получили сообщение и о том, что большое число ранее колебавшихся юнкеров из Ораниенбаума и Петергофа решили покинуть дворец. Кроме того, срок, определенный Антоновым-Овсеенко, уже истекал. Министры поспешили в Малахитовый зал решать вопрос о капитуляции. Один из них бросил взгляд на Петропавловскую крепость и Неву со стоящими там кораблями и спросил, ни к кому не обращаясь: «Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь?..» «Он будет обращен в кучу развалин, — ответил адмирал Вердеревский, как всегда спокойно. — У нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец, не повредив ни одного здания» [29].

Но все министры, включая Вердеревского, были единодушны в том, что капитуляция в данных обстоятельствах немыслима. И они решили просто проигнорировать ультиматум. Кишкин, Гвоздев и Коновалов побежали уговаривать юнкеров остаться на местах. В своем дневнике министр юстиции Павел Малянтович пытается объяснить это решение кабинета следующим образом: хотя министры уже не надеялись продержаться до прибытия подкрепления, они были убеждены, что по закону Временное правительство могло передать свои полномочия только Учредительному собранию. Они чувствовали себя связанными обязательством оказывать сопротивление до самого последнего момента, чтобы было совершенно ясно — они уступили только бесспорно превосходящим силам. А тогда, по утверждению Малянтовича, этот момент еще не наступил. Поэтому кабинет и решил на отвечать Военно-революционному комитету и продолжать сопротивление [30].

По странному совпадению в тот самый момент, когда в Генеральном штабе получили ультиматум ВРК, в Пскове генерал Черемисов говорил по прямому проводу с генералом Багратуни. Черемисов попросил доложить о положении в столице. Конкретно его интересовало местонахождение правительства, положение Зимнего дворца, поддерживается ли в городе порядок и прибыли ли в Петроград части с фронта. Багратуни начал отвечать на эти вопросы — насколько он мог, — когда его вызвали для вручения ультиматума. Вместо него в Петрограде к проводу подошел генерал Параделов, который выразил Черемисову свои опасения по поводу назначения и деятельности Кишкина и прямо сказал, что Временное правительство обречено. В свою очередь Черемисов попросил Параделова связаться с Зимним дворцом и узнать, как там обстоят дела [31]. Параделов как раз намеревался это сделать, когда явился Багратуни, который собирался в Зимний дворец для передачи ультиматума. Параделову было поручено ждать у телефона ответа правительства. Пока он ждал, здание заполнили революционные солдаты и рабочие; о сопротивлении не могло быть и речи [32]. А на другом конце прямого провода Черемисов все ожидал ответа. Когда терпение его иссякло, он запросил: «Где полковник Параделов и скоро ли он даст ответ?» Задержавшийся в комнате военный телеграфист отстучал ему: «{Сейчас найдем.} Штаб занят войсками Военно-революционного {комитета}. Прекращаю работу, ухожу... покидаем штаб сейчас же» [33].

Когда генерал Багратуни и члены кабинета узнали о захвате Генерального штаба, они находились на втором этаже дворца в кабинете помощников Керенского (выходящем окнами во двор), куда они перешли из менее безопасного Малахитового зала. Узнав о захвате здания штаба и утрате подчиненных, Багратуни подал в отставку. Он покинул дворец, но вскоре был задержан, высажен из коляски извозчика и арестован революционным патрулем.

А министры направили русскому народу следующую радиотелеграмму:

«Всем, всем, всем... Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве.

Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а потому постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка ответила о посылке отряда.

Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии» [34].

Министрам удалось установить связь по телефону с петроградским городским головой Шнейдером в здании Городской думы. Они сообщили, что Зимний дворец будет обстрелян с «Авроры» и из Петропавловской крепости, и просили организовать поддержку правительству. Накануне Городская дума, в которой эсеры и кадеты все еще составляли большинство, глубоко встревоженная действиями ВРК, направила в Смольный миссию для выяснения действительного положения вещей; затем, несмотря на ожесточенное сопротивление членов-большевиков, дума, так же как и Предпарламент, приняла меры к созданию Комитета общественной безопасности с целью поддержания порядка в городе и защиты населения. Вняв призыву министров в Зимнем дворце, Шнейдер сразу же созвал чрезвычайное заседание Городской думы. Он объявил, что «через несколько минут загремят пушки и под развалинами Зимнего дворца погибнет Временное правительство Российской Республики», и призвал думу оказать правительству всю посильную помощь. Поскольку войск в распоряжении депутатов не было, они решили немедленно послать эмиссаров на «Аврору», в Смольный и в Зимний с целью прекратить осаду дворца и урегулировать разногласия между правительством и Военно-революционным комитетом [35].

А между тем в Петропавловской крепости наконец удалось решить проблему с пушками и сигнальным фонарем. Благоднаров и Антонов-Овсеенко готовились к обстрелу Зимнего дворца. Еще одна задержка произошла, когда они получили сообщение (как впоследствии выяснилось, ошибочное и, очевидно, вызванное сдачей Генерального штаба), что Зимний дворец капитулировал. Благоднаров и Антонов-Овсеенко отправились на другой берег, чтобы проверить этот слух. В 9 час. 40 мин. Благоднаров вернулся в крепость и дал «Авроре» сигнал открыть огонь. В соответствии с приказом «Аврора» произвела холостой выстрел из носового орудия. Звук холостого залпа гораздо громче, чем боевыми снарядами. Оглушительные раскаты разнеслись по всей столице. Любопытные зрители на набережных Невы бросились на землю и затем в панике поспешили убраться восвояси, а военные силы в Зимнем дворце поредели еще больше (многие юнкера, а вслед за ними и часть женщин-военных, наконец, покинули свои посты). Залп «Авроры» не причинил никакого ущерба вопреки предсказанию Вердеревского и позднейшим легендам. После залпа «Авроры» артиллеристы в Петропавловской крепости решили выждать время, чтобы все, кто желает, смогли покинуть дворец. Именно в этот момент вахтенный офицер на «Амуре» увидел в устье Невы огни и поднял тревогу: «Приближаются корабли!» Но когда стали видны их силуэты, старожилы «Амура», к большой своей радости, узнали эсминцы «Самсон» и «Забияка» в сопровождении других кораблей из Гельсингфорса [36].

Около 11 часов вечера Благоднаров дал приказ открыть настоящий огонь. Большинство снарядов с грохотом разорвалось над Невой, не причинив вреда, но один из них разрушил часть карниза на Зимнем, а взрывом другого разбило угловое окно на третьем этаже над залом, в котором проходило заседание правительства. Взрыв испугал министров, и у некоторых из них появились сомнения в целесообразности дальнейшего сопротивления.

Со стены Петропавловской крепости за этим фейерверком наблюдал Тарасов-Родионов. Звуки взрывов заглушали оружейную и пулеметную стрельбу, а также звон освещенных трамваев, которые цепочкой ползли по Троицкому и Дворцовому мостам. Тарасов-Родионов подумал: «Странная революция. Рабочий Совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается» [37].

К этому моменту гласным Городской думы стало совершенно ясно, что их надежды сыграть роль посредника между ВРК и осажденными министрами в Зимнем дворце не осуществляются. Комиссар ВРК не разрешил представителям думы даже приблизиться к «Авроре». Делегация, направленная в Зимний дворец, была несколько раз остановлена восставшими, и в конце концов ей пришлось поспешно вернуться в здание Городской думы после того, как ее обстреляли с верхних этажей Зимнего дворца. («Вероятно, юнкера не разглядели наш белый флаг», — сказал впоследствии один из членов этой делегации.) Больше повезло эмиссарам думы — среди них был городской голова Шрейдер, — которые направились в Смольный. Им удалось на несколько минут встретиться с Каменевым, который сумел устроить так, чтобы Молотов в качестве сопровождающего отправился с ними в Зимний дворец. Но и этой делегации не удалось прорваться сквозь узкую полоску ничейной земли между кольцом революционных сил и баррикадами защитников правительства [38].

Примерно в то же время, когда Городскую думу информировали об этих неудачах, позвонил правый эсер Семен Маслов, министр сельского хозяйства. С ним разговаривал эсер Наум Быховский, который поспешил передать слова Маслова притихшим гласным думы. По словам Быховского, Маслов заявил: «Мы здесь, в Зимнем дворце, совершенно брошены и оставлены. Нас посылала во Временное правительство демократия, мы не хотели туда идти, но мы пошли. А теперь, когда наступила беда, когда нас расстреливают, мы не встречаем ни от кого поддержки. Конечно, мы умрем здесь, но последним моим словом будет — презрение и проклятие той демократии, которая сумела нас послать, но которая не сумела нас защитить» [39].

Быховский тут же предложил думе в полном составе отправиться в Зимний дворец, «чтобы умереть вместе со своими избранниками». «Пусть наши товарищи знают, — воскликнул он, — что мы не бросили их, пусть они знают, что мы готовы умереть вместе с ними». Эта идея нашла отклик практически у всех, кроме большевиков. По словам присутствовавших журналистов, большинство депутатов встали и несколько минут громко аплодировали этому предложению. До того, как оно было поставлено на голосование, поступила просьба представителя Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов о том, чтобы руководству крестьянских Советов было разрешено «выйти и умереть вместе с думой». Затем выступил министр продовольствия Прокопович, который со слезами в голосе просил разрешения пройти в Зимний дворец, «чтобы разделить участь своих товарищей». Не уступила ему и графиня Софья Панина, известная кадетка, которая вызвалась «стать перед орудиями» и добавила, что «только через их головы большевики могут расстреливать Временное правительство». Выход к Зимнему дворцу несколько задержался, так как кто-то попросил провести поименное голосование по предложению Быховского. Во время голосования большинство членов подчеркнуто выразили свою готовность «умереть вместе с правительством», а затем проголосовали за, после чего каждый большевик торжественно провозгласил, что он «собирается идти в Совет», и решительно проголосовал против [40].

Все это время Ленин находился в Смольном. Его выводило из себя любое промедление с захватом Зимнего и беспокоило возможность того, что к началу съезда не все члены Временного правительства окажутся за решеткой. Впоследствии Андрей Бубнов вспоминал: «Ночь 25 октября... Ильич очень торопился с взятием Зимнего дворца, основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступлений» [41]. Его слова подтверждает Подвойский: «Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний: Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся. Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять» [42].

Открытие съезда было запланировано на два часа дня. Поздно вечером стало ясно, что откладывать больше нельзя, как бы того ни хотелось Ленину. Наконец в 10 часов 40 минут вечера Дан зазвонил в колокольчик и объявил съезд открытым. Он заявил: «...Ц.И.К. считает излишним открывать настоящее заседание политической речью... В это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них Ц.И.К.» [43].

Джон Рид, которому удалось пробиться сквозь бурлящую толпу у входа в зал, впоследствии так описывал обстановку в Белом зале Смольного: «На рядах мест под белыми канделябрами, набившись в притворы, в боковые проходы, усевшись на каждый подоконник и даже на край трибуны, представители рабочих и солдат всей России ожидали в напряженном молчании и в состоянии чрезвычайной экзальтации звонка председателя.

Зал не отапливался, но воздух был удушливо-горяч от огромной массы людей. Неприятный сизый дым от папирос висел в сгущенной атмосфере.

По временам кто-нибудь из руководителей взбирался на трибуну и просил товарищей не курить. Тогда все, включая и курящих, подхватывали восклицание: «Не курите, товарищи» — и... продолжали курить...

На трибуне сидели вожаки старого Ц.И.К....

Дан зазвонил в колокольчик.

Неожиданно наступило молчание, напряженное и нарушаемое лишь бранью и спорами людей в дверях» [44].

Согласно предварительному докладу мандатной комиссии, 300 из 670 делегатов, прибывших в Петроград на съезд, были большевиками, 193 — эсерами (из них более половины — левые эсеры), 68 — меньшевиками, 14 — меньшевиками-интернационалистами, а остальные или принадлежали к мелким политическим группировкам, или вообще не входили ни в какую официальную организацию [45]. О резком увеличении поддержки, которой пользовались большевики, — всего за несколько последних месяцев — свидетельствует тот факт, что численность их фракции возросла в три раза со времени I Всероссийского съезда Советов, проходившего в июне. Это была самая крупная партия, представленная на съезде. Однако важно учесть, что, несмотря на это, на момент открытия съезда большевики не имели бы абсолютного большинства без значительной поддержки со стороны левых эсеров.

По прибытии в Смольный делегаты должны были заполнить подробную анкету, и благодаря этому сегодня мы знаем не только об их политической принадлежности, но и о том, какие местные Советы входили в число 402 Советов, представленных на съезде, и какую официальную позицию они занимали по вопросу о структуре нового правительства страны. Анализ анкет дает поразительный результат: подавляющее большинство — 505 делегатов — поддерживали лозунг «Вся власть Советам!», то есть выступали за создание Советского правительства, которое должно было отражать партийный состав на съезде. 86 делегатов в принципе собирались проголосовать за лозунг «Вся власть демократии», то есть за однородное демократическое правительство, включающее представителей крестьянских Советов, профсоюзов, кооперативов и т.д. 21 делегат намеревался поддержать коалиционное демократическое правительство, в которое войдут представители некоторых имущих классов, но не кадеты. И лишь 55 делегатов, то есть меньше 10%, по-прежнему поддерживали старую политику коалиции с кадетами [46].

Поскольку соотношение сил было именно таким, сразу же после открытия съезда 14 большевиков заняли места в президиуме рядом с 7 левыми эсерами (меньшевики, которые получили три места в президиуме, отказались занять их, а меньшевики-интернационалисты не заняли одно выделенное им место, но оставили за собой право сделать это). Дан, Либер, Бройдо, Гоц, Богданов и Василий Филипповский, которые руководили работой Совета с марта, освободили места, отведенные для руководителей Совета. Под гром аплодисментов их сразу же заняли Троцкий, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Зиновьев, Камков, Мария Спиридонова, Мстиславский и другие известные большевики и левые эсеры [47].

В этот момент, как бы в ознаменование перемен, издали донесся, как отдаленный раскат грома, звук пушечного выстрела. Мартов встал и охрипшим, дрожащим голосом сделал срочное заявление. Он потребовал, чтобы съезд прежде всего попытался урегулировать политический кризис мирным путем. Он сказал, что единственный выход из чрезвычайного

положения — это прекращение боевых действий, а затем начало переговоров с целью создания коалиционного демократического правительства, приемлемого для всех демократических сил. Исходя из этого, он предложил образовать специальную делегацию, которая начнет обсуждать с другими политическими партиями и организациями шаги по незамедлительному прекращению уличных столкновений.

Выступивший от левых эсеров Мстиславский поддержал предложение Мартова. Более того, по всей видимости, оно было положительно воспринято многими большевиками. Один из присутствующих, Суханов, оглядев зал, заметил, что «очень большая часть собравшихся приветствовала выступление Мартова громом аплодисментов». А репортер из газеты «Дело народа» отметил: «Заявление Мартова покрывается бурными аплодисментами большей части зала». В достоверности этих сообщений сомневаться не приходится, так как большинство делегатов съезда имели мандат поддержать создание съездом коалиционного правительства из числа партий, представленных в Совете, и предложение Мартова преследовало именно эту цель. В опубликованных протоколах съезда указывается, что от имени большевиков на выступление Мартова ответил Луначарский, который заявил, что «фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова». В документах съезда также указывается, что предложение Мартова было сразу же единогласно принято [48]. После того как съезд поддержал предложение о создании путем переговоров демократического коалиционного правительства, целый ряд ораторов — представителей блока умеренных социалистов, ранее игравшего главенствующую роль, выступили с осуждением большевиков и заявили о своем намерении немедленно уйти со съезда в знак протеста против их действий. Первым высказался в этом духе Яков Хараш, офицер-меньшевик и делегат комитета 12-й армии: «За спиной съезда благодаря политическому лицемерию партии большевиков совершена преступная политическая авантюра... Большевики и с.-р. считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать собственные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть». А другой офицер, известный меньшевик Георгий Кучин, выступивший от имени блока умеренных делегатов фронтовых армейских комитетов, добавил: «Съезд организовался для того, чтобы главным образом заняться вопросом об образовании власти, и между тем мы видим, что авантюра захвата власти уже произведена и воля съезда предрешена... Необходимо спасти революцию от этой безумной попытки, и во имя спасения революции мы будем мобилизовывать все революционные сознательные силы в армии и стране. Фронтальная группа... снимает с себя всякую ответственность за последствия этой авантюры... и покидает этот съезд» [49].

Эти резкие заявления вызвали у большей части собравшихся бурю протеста. Послышались крики: «Корниловцы!», «Кого вы представляете?». Однако после того, как Каменеву удалось восстановить какую-то видимость порядка, Лев Хинчук, представитель Московского Совета, и Михаил Гендельман, адвокат и член ЦК эсеров, сделали такие же резкие и враждебные заявления от имени меньшевиков и эсеров. «Единственным возможным мирным выходом из положения остаются переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии», — подчеркнул Хинчук. После этих слов, пишет Суханов, «в зале поднимается страшный шум, возмущены не только большевики, оратору долго не дают продолжать». В конце концов Хинчук прокричал: «Фракция... покидает настоящий съезд, приглашая все другие фракции, одинаково с нею отказывающиеся нести ответственность за действие большевиков, собраться немедленно для обсуждения положения». Послышались крики: «Дезертиры!» Однако Гендельман сделал заявление примерно в таком же духе: «В предвидении взрыва народного возмущения, неизбежного вследствие должествующего обнаружиться краха большевистских обещаний... фракция с.-р. призывает все революционные силы страны организовать и быть на страже революции... Констатируя захват власти партии большевиков... фракция с.-р. возлагает на них всю ответственность за последствия их безумного и преступного шага и, устанавливая вследствие этого невозможность совместной с ними работы... покидает съезд» [50].

Обстановка в зале накалилась: топали ногами, свистели, кричали. В ответ на открыто провозглашенное Военно-революционным комитетом восстание меньшевики и эсеры склонились вправо, и разрыв между ними и крайне левыми увеличился еще больше. Чтобы понять весь масштаб событий 24—25 октября, достаточно вспомнить, что меньше чем за

сутки до этого фракции меньшевиков и эсеров на съезде, представлявшие широкие круги в обеих партиях, казалось, были на грани полного разрыва с буржуазными партиями и поддержки создания однородного социалистического правительства, выступающего за мир и реформы. Конечно, понятно, почему меньшевики и эсеры отреагировали именно таким образом. И в то же время нельзя не прийти к выводу, что, решительно выступив против действий большевиков, а также рабочих и солдат, которые охотно пошли за ними и, более того, покинули съезд, умеренные социалисты свели на нет усилия по достижению компромисса, предпринимавшиеся меньшевиками-интернационалистами, левыми эсерами и умеренными большевиками. Этим они сыграли на руку Ленину, неожиданно открыв путь к созданию правительства, возможность существования которого никогда раньше открыто не обсуждалась, то есть к установлению исключительно большевистской власти. В своих воспоминаниях о революции Суханов признает, что демонстративный уход меньшевиков и эсеров имел огромное историческое значение. Он отмечает: «Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции».

Борьба на Съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со Съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожиженцев, — мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле, мы обеспечили победу всей «линии» Ленина» [51].

Конечно, в то время последствия этого решения были не так заметны, как сейчас. Тогда же, вслед за Харашем, Кучиным, Хинчуком и Гендельманом выступили несколько радикально настроенных делегатов-солдат, которые заявили, что Хараш и Кучин никоим образом не выражают точку зрения простого солдата. «Пусть они уходят — армия не с ними!» — воскликнул молодой худощавый солдат Карл Петерсон, представитель латышских стрелковых полков. Справедливость его слов вскоре стала очевидна всем. В зале ему устроили овацию. «Кучин говорил о мобилизации сил, — воскликнул Франц Гжельщак, солдат-большевик из фронтовой 2-й армии, как только шум утих. — Против кого? Против рабочих и солдат, выступающих на защиту революции? Кого он будет организовывать? Ясно, не тех рабочих и солдат, против которых он сам хочет вести войну». А другой большевик, Федор Лукьянов, солдат 3-й армии, заявил, что «...мнение Кучина является мнением высших армейских организаций, которые избраны еще в апреле и уже давно не отражают мнений и настроений широких армейских масс» [52].

В этот момент в обсуждение вмешался Генрих Эрлих, представитель Бунда (еврейской социал-демократической организации). Он информировал съезд о том, что несколько минут назад большинство гласных Городской думы приняли решение идти процессией к Зимнему дворцу. Он добавил, что меньшевистская и эсеровская фракции в Исполнительном комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов решили присоединиться к гласным в знак протеста против насилия в отношении Временного правительства и приглашают всех делегатов съезда, «кто не желает кровопролития», принять участие в этом марше. Именно в этот момент меньшевики, эсеры, бундовцы и члены «фронтовой группы» под крики «Дезертиры!», «Лакеи буржуазии!» и «Враги народа!» встали и вышли из зала.

Вскоре после ухода основной группы меньшевиков и эсеров выступил Мартов, который по-прежнему стремился прежде всего содействовать достижению мирного компромисса между умеренными социалистами и радикально настроенными левыми. Он предложил резолюцию от имени меньшевиков-интернационалистов, которая осуждала большевиков за организацию переворота до открытия съезда и призывала к созданию на широкой основе демократического правительства, которое заменило бы Временное правительство. Резолюция, в частности, гласила: «Принимая во внимание, что этот переворот грозит вызвать кровопролитие, междоусобие и... торжество контрреволюции... и что единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской Войны, могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно, — меньшевистская

фракция предлагает съезду принять постановление о необходимости мирного разрешения создавшегося кризиса путем образования общедемократического правительства... Для этой цели назначить делегацию для переговоров с другими организациями демократии и всеми социалистическими партиями. Впредь до выяснения результатов работ этой делегации фракция меньшевиков-интернационалистов предлагает съезду приостановить свои работы» [53].

Очевидно, с точки зрения Ленина, принятие предложенной Мартовым резолюции означало бы катастрофу; с другой стороны, отсутствие представителей умеренных сил давало возможность закрепить разрыв с ними. Вскоре после того, как Мартов вернулся на место, делегаты съезда поднялись и устроили овацию неожиданно появившейся фракции большевиков в Городской думе. Члены фракции, которым наконец удалось пробиться в зал, заявили, что они пришли «победить или умереть вместе со Всероссийским съездом». Затем Троцкий, которого все считали лучшим оратором большевиков, вышел на трибуну и заявил: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, — это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда и которые делают эти предложения? Но ведь мы их видели целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде, которых они не в первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии? Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...»

«Тогда мы уходим!» — крикнул Мартов среди бурных рукоплесканий Троцкому. А Троцкий тут же огласил резолюцию, осуждающую уход со съезда делегатов — меньшевиков и эсеров как «бессильную и преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции». Резолюция, в которой говорилось о поддержке восстания против Временного правительства, заканчивалась следующими словами: «Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию. Заслушав заявления с.- р. и меньшевиков, Второй всероссийский съезд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа и его восстанием 24 и 25 октября. Долой соглашателей! Долой прислужников буржуазии! Да здравствует победоносное восстание солдат, рабочих и крестьян!» [54]

Ясно, что левым эсерам, левым меньшевикам и умеренным большевикам было так же трудно смириться с этим резким осуждением меньшевиков и эсеров и полностью поддержать вооруженное восстание в Петрограде, как большевикам-ленинцам принять резолюцию Мартова. В своем докладе на I съезде левых эсеров в ноябре, когда эти события были еще свежи в памяти, Камков попытался объяснить позицию левых эсеров в тот момент, когда разрыв между социалистами в России увеличился еще больше, когда, несмотря на усилия левых эсеров, ВРК был превращен в орган восстания и сверг Временное правительство, и когда умеренные социалисты осудили этот шаг и попытались противодействовать ему. Он отметил: «...Мы, как политические деятели, в момент, когда происходит громадное по своему историческому значению не только в судьбе русской революции, но и международной, мы меньше всего могли бы заниматься моральной характеристикой, учетом того, что происходило. Как люди, заинтересованные в защите революции, мы раньше всего должны были спросить, что делать сегодня, когда факт восстания осуществлен... нам было ясно, что для партии революции, партии революционного социализма в этой создавшейся фазе русской революции... наше место быть с революцией... Мы решили не только оставаться в Смольном, но и принять самое энергичное участие [в том, чтобы отстоять те завоевания, которые могут быть закреплены в данной стадии]... Мы должны все силы употребить, чтобы была создана новая власть, но чтобы она была признана если не всей революционной демократией, то хотя бы ее

большинством. Мы думаем, что, несмотря на озлобление, которое внесло петроградское восстание... зная, что и в правой части есть масса честных революционеров, только неправильно понимающих русскую революцию, наша задача заключалась в том, чтобы не обострять отношение между самой демократией... Мы рассматривали и свою задачу, задачу левых с.-р., как задачу связать порванную цепь, объединявшую два фронта русской демократии. И мы были убеждены, что они {правая часть революционной демократии} примут с некоторым опозданием ту платформу, которая является не платформой фракции или партии, а платформой истории и примет участие в создании новой власти» [55].

А на заседании II съезда Советов в ночь с 25 на 26 октября Камков, поднявшийся на трибуну вслед за Троцким, громко заявил: «Правые эсеры ушли со съезда, но мы, левые эсеры, остались!» Это заявление вызвало овацию. Но когда аплодисменты утихли, Камков тактично, нетвердо выступил против Линии Троцкого, указав, что предлагаемый Троцким шаг несвоевременен «ввиду того, что продолжают контрреволюционные попытки». Он добавил, что реальная крестьянская сила не у Большевиков, «а крестьянство — это пехота революции, без которой революция должна погибнуть» [56]. Исходя из этого, он подчеркнул, что левые силы не должны «изолировать себя от умеренных демократических сил, а необходимо искать соглашения с ними».

По-видимому, определенное значение имеет тот факт, что Камкову ответил не Троцкий, а более уравновешенный Луначарский: «Тяжесть задачи, выпавшей на нас, — вне всякого сомнения. Для успешного разрешения этой задачи необходимо объединение различных элементов, действительно революционных элементов демократии. Упреки тов. Камкова по нашему адресу неосновательны. Если бы мы, начав заседание, сделали какие-либо шаги, отмечающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса. Но ведь нас засыпали градом заявлений. Против нас вели форменную атаку... Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение, они сразу же постарались отгородиться от нас... В своей резолюции мы хотели определенно, честно, открыто сказать, что, несмотря на их предательство, будем продолжать наше дело, мы будем вести пролетариат и армию к борьбе и победе» [57].

Бурные дебаты относительно диаметрально противоположных позиций Мартова и Троцкого продолжались до позднего вечера. В конце концов представитель левых эсеров потребовал объявить перерыв для обсуждения вопроса в фракциях, заявив, что если перерыва не будет, то левые эсеры немедленно покинут заседание. Вопрос был поставлен на голосование, и в 2 часа 40 минут было принято решение объявить перерыв. Каменев предупредил, что съезд возобновит работу через полчаса [58].

К этому времени шествие гласных Городской думы к Зимнему дворцу закончилось полным фиаско. Около полуночи гласные, члены Исполкома крестьянских Советов и те участники съезда, которые только что ушли из Смольного (всего около двухсот человек), собрались у здания думы на Невском проспекте. Было холодно, начался дождь. Участники разношерстной процессии, возглавляемые Шрейдером и Прокоповичем (у последнего в одной руке был зонт, а в другой фонарь), построившись в шеренги по четыре и распевая «Марсельезу», прихватив с собой пакеты с хлебом и колбасой, предназначенные для «министров», двинулись по направлению к Адмиралтейству. Не успели они пройти и квартала, как на Казанской площади их остановил отряд солдат, которые уговорили делегацию отказаться от попыток идти дальше. Оказавшийся неподалеку Джон Рид описал это следующим образом: «Как раз на углу Екатерининского канала под большим электрическим фонарем кордон вооруженных моряков тянулся через Невский, закрывая путь толпе, шествовавшей в колонне по четверо в ряд.

В демонстрации принимало участие от 300 до 400 человек — мужчин в сюртуках, хорошо одетых женщин, офицеров всякого рода... во главе с седобородым стариком Шрейдером, городским головой Петрограда, и Прокоповичем, министром снабжения Временного правительства, арестованным сегодня утром и выпущенным на свободу.

Я увидел Малкина, репортера «Русских ведомостей».

— Отправляемся умирать в Зимний дворец, — весело прокричал он.

Процессия не подвигалась. Но в первых рядах ее шел горячий спор. Шрейдер и Прокопович кричали по адресу рослого моряка, который, по-видимому, командовал отрядом:

— Мы требуем, чтобы нас пропустили!..

— Нет, — твердо ответил моряк, — я не могу пропустить вас...

Подошел другой моряк в весьма повышенном настроении.

— Мы отдубасим вас! — воскликнул он энергично. — Если будет необходимо, мы будем и стрелять. Отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое!

В ответ на это последовал взрыв негодования и гневных восклицаний.

Прокопович забрался на какой-то ящик и, размахивая своим зонтиком, обратился к демонстрантам с речью:

— Товарищи и граждане! Против нас пущена в ход сила. Мы не можем нашей невинной кровью запятнать руки этих невежественных людей!.. Вернемся в думу и обсудим средства спасения страны и революции!

И в полном достоинства молчании процессия повернулась и пошла назад по Невскому, сохраняя свой прежний строй» [59].

Перевалило уже далеко за полночь. Положение министров в Зимнем дворце было отчаянным и ухудшалось с каждой минутой. Силы его сторонников таяли, в результате чего часть восточного крыла дворца осталась без охраны. Через окна этого крыла в здание стали во все больших количествах проникать повстанцы. А в зале заседаний на втором этаже министры ждали конца: одни — безвольно опустившись в кресла, другие, как Малянтович, — устроившись на диване. Коновалов курил одну папиросу за другой и нервно расхаживал по залу, время от времени выходя в соседнее помещение, где находился единственный работающий телефон. До министров доносились крики и приглушенные звуки взрывов и выстрелов — это верные правительству офицеры и юнкера пытались отбить революционные войска. Обстановка обострилась, когда в помещении наверху взорвался артиллерийский снаряд, выпущенный из Петропавловской крепости, и когда матросы, проникшие во дворец, бросили с балкона в зал на нижнем этаже две гранаты. Два юнкера получили ранения и были доставлены к Кишкину для оказания первой помощи.

Время от времени в зал заглядывал Пальчинский, который пытался успокоить министров. Он каждый раз заверял их в том, что проникшие во дворец мятежники задержаны и ситуация все еще под контролем. Малянтович описал один из этих эпизодов: "Часу в первом ночи, может быть, позже мы получили известие, что процессия из думы вышла. Дали знать караулу..."

Опять шум... Он стал уже привычным... Опять, вероятно, ворвались большевики и, конечно, опять обезоружены...

Вошел Пальчинский. Конечно, это так и оказалось. И опять дали себя обезоружить без сопротивления. И опять их было много...

А сколько их уже во дворце?.. Кто фактически занимает дворец теперь — мы или большевики?..» [60]

Хотя в советских исследованиях утверждается иное, на самом деле Зимний дворец не был взят штурмом. Впоследствии сам Антонов-Овсеенко рассказывал, что к концу вечера

«вообще вся атака Дворца носила совершенно беспорядочный характер... Наконец, когда удалось выяснить, что юнкеров остается уже немного, мы с Чудновским повели атакующих внутрь Дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления уже не оказали, и мы свободно проникли вглубь Дворца в поисках Временного Правительства» [61]. По всей вероятности, это произошло около 2 часов ночи, так как в это время Коновалов сообщил Шрейдеру по телефону: «Ворвался Временный революционный комитет... У нас всего небольшое количество юнкеров... Через несколько минут мы будем арестованы». А через несколько минут, когда Шрейдер сам позвонил в Зимний, ему уже ответил грубый голос: «Что угодно, откуда говорят?..» Шрейдер ответил: «Из городской управы, хочу узнать, что у вас делается». Незнакомый голос ответил: «Я часовой, ничего у нас не делается» [62].

А между тем шум, доносившийся в зал, где находились члены Временного правительства, неожиданно приобрел какой-то зловещий оттенок. Малянтович впоследствии вспоминал: «И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитых в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы — что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец...

Кто лежал или сидел, вскочили и все схватились за пальто...

А шум все крепнул, все нарастал и быстро, широкой волной подкатывался к нам...

Все это в несколько минут...

Уже у входной двери в комнату нашего караула — резкие взволнованные крики массы голосов, несколько отдельных, редких выстрелов, топот ног, какие-то стуки, передвижения, слитый нарастающий единый хаос звуков и все растущая тревога...» [63]

Малянтович добавляет, что даже в этот момент небольшая группа юнкеров рядом с залом, где сидели министры, была, по-видимому, готова продолжать сопротивление. Однако всем уже стало ясно, что «оборона бесполезна, а жертвы бесцельны»; то есть что пришло время сдаваться; Кишкин приказал командиру охраны объявить о готовности правительства сдаться. Затем министры заняли места вокруг стола и безучастно наблюдали за происходящим. Распахнулась дверь, и, по словам Малянтовича, «в комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату...». Этим человечком был Антонов-Овсеенко. «Временное правительство здесь, — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что вам угодно?» «Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы», — ответил Антонов-Овсеенко, а Чудновский стал записывать фамилии присутствующих и составлять протокол. Убедившись в отсутствии самой желанной добычи — Керенского, многие из нападавших пришли в неистовство. Кто-то крикнул: «Какого черта, товарищи! Приколоть их тут и вся недолга!..» Малянтович вспоминает, что Антонову-Овсеенко удалось спасти членов кабинета от самосуда. Он твердо сказал: «Товарищи, вести себя спокойно! Все члены Временного правительства арестованы. Они будут заключены в Петропавловскую крепость. Никакого насилия над ними учинить я не позволю. Ведите себя спокойно!» [64]

Министров вывел из Зимнего дворца на Дворцовую площадь специальный конвой вооруженных матросов и красногвардейцев, их окружила толпа злословящих, издевающихся, размахивающих кулаками людей. Автомобиль найти не удалось, поэтому пришлось идти в крепость пешком. Когда процессия приблизилась к Троицкому мосту, толпа, собравшаяся вокруг министров, снова злобно потребовала, чтобы им отрубили головы и бросили в Неву. На этот раз министров спасло то, что кто-то вдруг открыл пулеметную стрельбу (по-видимому, без всякой цели) из приближающейся автомашины. Услышав выстрелы, пулеметчики из Петропавловской крепости решили, что обстреливают их, и тоже открыли огонь. Министры, сопровождающие лица и случайные зрители бросились врассыпную. Во всей этой неразберихе арестованных быстро переправили через мост в крепость, где они оказались в безопасности [65].

Министров провели в небольшое помещение, которое освещалось одной коптящей керосиновой лампой. У входа они увидели Антонова-Овсеенко, который сидел за маленьким столиком и дописывал протокол, начатый Чудновским в Зимнем дворце. Антонов-Овсеенко прочитал его вслух, провел переключку арестованных и попросил каждого расписаться. После этого министров развели по промозглым камерам в старинном Трубецком бастионе, неподалеку от того места, где с прошлого февраля находились в заключении бывшие царские чиновники. По дороге Коновалов вдруг сообразил, что у него кончились папиросы. Он робко попросил закурить у сопровождавшего его матроса и испытал большое облегчение, когда тот не только дал ему махорки и бумаги, но и, увидев, что Коновалов не умеет делать этого, свернул ему самокрутку [66]. Перед тем как захлопнулась дверь его камеры, Никитин обнаружил у себя в кармане позабытую телеграмму, посланную Украинской радой в министерство внутренних дел. Он вручил ее Антонову-Овсеенко и тусклым голосом произнес: «Это получено от Украинской Центральной Рады. Теперь уже это Вам придется распутывать» [67].

А между тем в Смольном возобновилось заседание съезда Советов. По иронии судьбы именно Каменеву, который полтора месяца самым решительным образом выступал против восстания, выпал жребий объявить о конце Временного правительства: «Получено сообщение, что главари контрреволюции, заседавшие в Зимнем дворце... захвачены Петроградским революционным гарнизоном». Едва он произнес эти слова, как в зале поднялся невероятный шум. Потом Каменев прочитал список бывших министров, которые были арестованы. При упоминании фамилии Терещенко, который был символом продолжающейся ненавистной войны, делегаты снова разразились криками и аплодисментами.

Каменев также объявил (возможно, для того чтобы заверить собравшихся, что революции в ближайшее время ничто не угрожает), что 3-й батальон самокатчиков, вызванный в Петроград с фронта Керенским, перешел на сторону революции. Вскоре после этого обнадеживающего сообщения комиссар ВПК из Царскосельского гарнизона вышел вперед и заявил, что находящиеся там войска поклялись защитить подступы к Петрограду. Он сообщил: «Узнав о приближении самокатчиков, мы приготовились к отпору. Но тревога была напрасной, так как оказалось, что среди товарищей самокатчиков нет врагов Всероссийского съезда Советов (в протоколах зафиксировано, что это сообщение вызвало новый взрыв аплодисментов. - А.Р.). Когда мы послали к ним своих комиссаров, выяснилось, что они также стоят за власть Советов, за немедленную передачу земли крестьянам... и за введение рабочего контроля над производством» [68].

Как только он замолчал, потребовал слова представитель 3-го батальона самокатчиков. Он объяснил поведение солдат следующим образом: «До последнего времени мы служили на Юго-Западном фронте. На днях по телеграфному распоряжению нас двинули на север. В телеграмме говорилось, что мы едем защищать Петроград, но от кого — нам это было неизвестно; мы походили на людей с завязанными глазами; мы не знали, куда нас отправляют, но смутно догадывались, в чем дело. В пути всех нас мучил вопрос: куда? зачем? На станции Передольской мы устроили летучий митинг совместно с 5-м самокатным батальоном для выяснения настоящего положения. На митинге выяснилось, что среди всех самокатчиков не найдется ни одного человека, который согласился бы выступить против братьев и проливать их кровь. Мы решили, что не будем подчиняться Временному правительству. Там, — сказали мы, — находятся люди, которые не хотят защищать наши интересы, а посылают нас против наших братьев. Я заявляю вам конкретно: нет, мы не дадим власть правительству, во главе которого стоят буржуи и помещики!»

А чуть позже Крыленко, который информировал съезд о последних событиях на Северном фронте, подтвердил, что солдаты на фронте не намерены защищать Временное правительство. Там создан Военно-революционный комитет, цель которого — противодействовать попыткам направить в столицу военные силы, поддерживающие старое правительство. Крыленко также объявил, что генерал Черемисов уже признал полномочия этого комитета; что комиссар Керенского на Северном фронте Войтинский подал в отставку; и что в Военно-революционный комитет Петрограда прибывают одна за другой делегации частей, уже направленных в столицу, и заявляют о своей солидарности с Петроградским гарнизоном [69].

Судя по всему, именно в этот момент в зал вернулась по меньшей мере часть фракции меньшевиков-интернационалистов. Ее представитель Капелинский попытался привлечь внимание делегатов к предложению Мартова о том, чтобы в работе съезда был объявлен перерыв и специальная делегация выяснила мнение всех социалистических организаций по вопросу о создании представительного демократического правительства. В недалеком будущем многие из тех делегатов, которые проигнорировали или освистали это предложение Капелинского, вновь будут заинтересованы в договоренности с группами умеренных сил. Но в тот момент, воодушевленные кажущейся легкостью, с которой была одержана победа над режимом Керенского, они не были склонны поддерживать его. От имени большевиков Каменев с ходу отверг призыв Капелинского, мотивируя это тем, что умеренным социалистам некого винить, кроме самих себя, в том, что предложение Мартова о поисках мирных путей урегулирования кризиса не было осуществлено. Одновременно он предложил отложить обсуждение резолюции Троцкого, осуждающей меньшевиков и эсеров, чтобы не исключать возможности Возобновления отношений с ними.

Меньшевики-интернационалисты снова покинули зал. В этот момент встал Луначарский и предложил съезду срочно принять воззвание, написанное Лениным и озаглавленное «Рабочим, солдатам и крестьянам!». В воззвании говорилось о поддержке восстания в Петрограде, о передаче высшей политической власти в руки съезда и местных Советов по всей территории России, а также в самых общих чертах о ближайших планах нового руководства. Текст этого исторического воззвания, которое со временем стало основой политической власти Советов, гласил:

«Рабочим, солдатам и крестьянам! Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На Съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончены. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьянство, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное сопротивление корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих и

солдатских депутатов, Делегаты от крестьянских Советов» [70].

Выступление Луначарского неоднократно прерывалось громом аплодисментов. Когда он закончил и удалось восстановить какое-то подобие порядка, Камков заявил, что левые эсеры готовы поддержать воззвание с небольшой поправкой. Поправка была тут же принята. Представитель крошечной фракции меньшевиков — объединенных интернационалистов заявил, что он также проголосует за воззвание, если будет внесена поправка о немедленном создании правительства при участии самых широких слоев населения. Его предложение не было принято, и он заявил, что его сторонники воздержатся при голосовании. И наконец, в 5 часов утра 26 октября было проведено голосование по ленинскому возванию, узаконившему создание революционного правительства. Оно было принято подавляющим большинством при двух голосах против и двенадцати воздержавшихся. Забрезжил рассвет, хмурый и туманный, как всегда в Петрограде поздней осенью, и делегаты съезда стали расходиться по домам. А в Смольном усталые руководители Военно-революционного комитета, многие из которых не смыкали глаз несколько дней подряд, устраивались спать прямо на полу своего тесного штаба. Ленин отправился на квартиру Бонч-Бруевича, расположенную неподалеку, чтобы отдохнуть и составить декрет о земельной реформе для принятия на следующем заседании съезда. Так большевики пришли к власти в Петрограде, и так началась новая эра в истории России и всего мира.

1. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 348-350; Антонов-Овсеенко В.А. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября, с. 123-124.

2. Флеровский И.Р. Кронштадт в Октябрьской революции. - "Пролетарская революция", 1922, № 10, с. 136-137.

3. Балтийские моряки..., с. 270.

4. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 330; Еремеев К. Осада Зимнего. - "Бакинский рабочий", 7 ноября 1927 г.; см. также: Дзенис. Как мы брали 25 окт. Зимний дворец, с. 7, а также Благо нравов Г.И. Октябрьские дни в Петропавловской крепости. - "Пролетарская революция", 1922, № 4, с. 33.

5. Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 35, с. 1.

6. Старцев В.И. Бегство Керенского. - "Вопросы истории", 1966, № 11, с. 204-205; Версию этих событий, предложенную Керенским, см. в: Russia and History's Turning Point, pp. 437-439.

7. "Речь", 26 октября; "Новая жизнь", 26 октября. "Известия", 26 октября.

8. Ряби некий К. Хроника событий, т. 5, с. 177.

9. Павлови. Авральная работа 25-го октября 1917 года.- "Красный флот", 1926, № 10-11, с. 25.

10. Флеровский И.Р. Кронштадт в Октябрьской революции, с. 139.

11. Там же, с. 139-140; Павлов. Авральная работа 25-го октября 1917 года, с. 25.
12. Ряби некий К. Хроника событий, т. 5, с. 179-180; "Известия", 26 октября; 27 октября.
13. Там же.
14. Дашкевич П.В. Октябрьские дни. - "Ленинградская правда", 7 ноября 1924 г.
15. Воспоминания об октябрьском перевороте. - "Пролетарская революция", 1922, № 10, с. 84-85.
16. Тарасов-Родионов А. Первая операция. - "Военный вестник", 1924, № 42, с. 12; Воспоминания об октябрьском перевороте. - "Пролетарская революция", 1922, № 10, с. 78-79.
17. Антонов-Овсеенко В.А. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября, с. 124-129; Антонов- Овсеенко В.А. Революция победила. - "Красная газета", 7 ноября 1923.
18. Костюков. Как мы опоздали ко взятию Зимнего дворца. - "Красный балтиец", 1920, № 6, с. 36
19. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 346.
20. Blagonravov. The Fortress of Peter and Paul, October 1917, in: Petrograd, October 1917, Moscow, 1957, p. 206.
21. Воспоминания об октябрьском перевороте. - "Пролетарская революция", 1922, №10, с. 79.
22. Reed John. Ten Days That Shook the World, New York, 1960, p. 116. Цит. по: Рид Д ж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1923, с. 90.
23. Чудновский Г. В Зимнем дворце перед сдачей. - "Правда", 21 ноября, 1917 г.; Дашкевич П.В. Октябрьские дни. - "Ленинградская правда", 7 ноября.
24. См., в частности: Ливеровский А.В. Последние часы Временного правительства; Малянтович П.Н. В Зимнем дворце 25-26 октября 1917 года. - "Былое", 1918. № 12. с. 111 - 141; П а л ь ч ин с к ий П.Н. Дневник. - "Красный архив", 1933, № 56, с. 136-138; Никитин А.М. Рассказ, А.М. Никитина. - "Рабочая газета", 28 октября, с. 2; Как заняли Зимний дворец. - "Дело народа", 29 октября; Синегуб А. Защита Зимнего дворца. - "Архив русской революции", 1922, № 4, с. 121 -197; самый полезный вспомогательный источник, в котором описываются последние часы Временного правительства - Старцев В.И. Последний день Временного правительства. - В: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 99-115.
25. Ливеровский А.В. Последние часы Временного правительства, с. 42-43.
26. Старцев В.И. Последний день Временного правительства, с. 101.
27. Текст этого ультиматума приводится в: Ливеровский В.И. Последние часы Временного правительства, с. 45.
28. "Единство", 27 октября.
29. Малянтович П.Н. В Зимнем дворце, с. 120.
30. Там же, с. 121.

31. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 407-408.
32. "Единство", 27 октября.
33. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 343; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 395-396,407,498. Для Черемисова этот разговор стал последней каплей. Он подтвердил убежденность Черемисова в том, что Временное правительство совершенно обанкротилось. Черемисов в гораздо большей степени, чем большинство других высших военных руководителей, ощущал и реагировал на революционные настроения в армии в течение 1917 года. Керенский настроил его против себя в июле, когда Корнилов был назначен начальником штаба. В первые недели октября Черемисов крайне неохотно поддерживал попытки Керенского привлечь фронтовые войска для поддержки Временного правительства. Ночью 25 октября, получив информацию из первых рук о назначении Кишкина, о кадровых перестановках среди военных в Петрограде и о захвате здания Генштаба, он отдал приказ немедленно остановить продвижение войск к Петрограду. Это во многом подорвало надежду Керенского на то, что он получит помощь с фронта.
34. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 414-415.
35. Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 314-317 и 444. Работа написана по материалам, опубликованным в журналах Петроградской городской думы и в стенографических отчетах о заседаниях думы созыва 20 августа 1917 года; см. также: Мильчик И. Петроградская Центральная Городская Дума в феврале-октябре 1917 года. - "Красная летопись", 1927, №2 (23), с. 201.
36. Флеровский И.Р. Кронштадт в Октябрьской революции, с. 141 - 142.
37. Тарасов-Родионов А. Первая операция, с. 13.
38. Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 445-446; Молотов В.М. Смольный и Зимний. - "Правда", 7 ноября 1924 г.
39. Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 450-451.
40. "Речь", 26 октября, с. 3; Мильчик И. Петроградская Центральная Городская Дума в феврале-октябре 1917 года, с. 202.
41. Бубнов А. Ленин в октябрьские дни. - "Бакинский рабочий", 7 ноября 1927 г.
42. Воспоминания об октябрьском перевороте. - "Пролетарская революция", 1922, №10, с. 79.
43. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 33.
44. Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир, с. 96-97.
45. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 353. В имеющихся источниках опубликованы различные данные об общей численности и составе делегатов съезда. Здесь приведены цифры, опубликованные в "Правде" 29 октября.
46. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 144-153; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: сборник документов. Ред. Бутен-ко А.Ф. и Чугаева Д.А. М., 1957, с. 386-398.
47. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 2-3, 33.

48. Там же, с. 4, 34-35; Суханов Н. Записки о революции, т. 7. с. 199; "Дело народа", 27 октября.
49. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 34-35.
50. Там же. с. 37-38; Суханов. Записки о революции, т. 7, с. 200.
51. Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 219-220; по данному вопросу см.: Scharigo Leonard. Origins of the Communist Autocracy, New York, 1965, pp. 66-68.
52. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 38-39.
53. Там же, с. 41-42.
54. Там же, с. 43-44.
55. Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), с. 41-43.
56. "Дело народа", 27 октября.
57. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 45-46.
58. "Речь", 26 октября; см. также "Известия", 26 октября.
59. Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. с. 106-108; см. также: Суханов Н. Записки о революции, т. 7, с. 208.
60. Малянтович П.Н. В Зимнем дворце, с. 129.
61. Антонов-Овсеенко В.А. Октябрьская буря, с. 104.
62. Е р ы к а л о в Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 456.
63. Малянтович П.Н. В Зимнем дворце, с. 129.
64. Там же, с. 130.
65. "Рассказ К.А. Гвоздева об его аресте" и "Рассказ А.М. Кишкина". - "Рабочая газета", 28 октября, с. 2.
66. Ko1bin I., Storming the Winter Palace, in: Petrograd 1917, p. 321.
67. Антонов-Овсеенко В.А. Октябрьская буря, с. 104.
68. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 47-50.
69. Там же, с. 52.
70. Второй Всероссийский съезд Советов, с. 53-54; перевод на английский язык см: Browder and Kerensky, The Russian Provisional Government. Vol. 3, pp. 1797-1798.